

АССАМБЛЕИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ.

В прилагаемой к настоящей статье литографии с картины художника Хлебовского, несмотря на простоту сюжета, отражается одно из важнейших явлений в истории преобразования России на европейский лад. То, что изображено на этой картине, не могло происходить у нас ранее 1718 года, когда появился указ Петра Великого об «ассамблеях», на которые, по повелению царя, начали съезжаться и сходиться люди «всяких чинов» обоего пола. Указ об ассамблеях произвел коренной перелом и в домашней, и в общественной жизни наших предков, и послужил первым шагом к тому, чтобы и у нас женщины заняли в обществе то положение, какое они занимали в западной Европе. Прежние их затворничество и отчужденность были уничтожены царскою безграничною властью, и нарушение в этом отношении старинных обычаев вызвало среди русских сдержанный ропот, так как никто не смел явно ослушаться государева повеления.

Подготовкою к Петровским ассамблеям служили предписанные Петром изменения в одежде подданных. Так, царь повелел, чтобы с праздника Богоявления 1700 года все русские, кроме духовных лиц и крестьян, носили «венгерское платье»; даже жены солдата и стрельцов должны были надеть с этого дня «бостроги», юбки и баш-

маки немецкие 18-го февраля 1702 года появился царский указ, чтобы в торжественных случаях «парадным» людям под «французскими» кафтанами иметь золотые камзолы, а чиновным лицам, кроме таких камзолов, и самые кафтаны носить с золотым украшением. В первое время по издании этих указов дозволялось донашивать старую одежду, на которую, в виду этого, прикладывались казенные клейма; но в 1705 году не принимались уже никакие отговорки о донашивании старого платья, и в этом же году, 16 января, издан был указ о бритии бород и усов.

Таким образом, на первых общественных собраниях — «ассамблеях», гости и гости явились уже преображенные на иностранный лад, и в числе их смахивавшие по внешности даже на версальских маркизов и маркиз — первых шеголей и шеголих того времени. Ассамблеи, введенные Петром Великим, принадлежали к разряду зимних увеселений. Они были учреждены на первый раз в Петербурге, и о времени их открытия объявлялось с барабанным боем на площадях и перекрестках. Ассамблеи распределялись между чиновными лицами, жившими в Петербурге, без соблюдения, впрочем, какой-либо очереди. Сам государь назначал, в чьем доме должно было быть первой ассамблее, а затем дальнейшее назначение ассамблей зависело в Петербурге от генерал-полицеймейстера, а когда он были заведены в Москве, то там назначались комендантом. Прежде чем гости расходились на одной ассамблее, им объявлялось, где будет следующая. Не смотря на то, у кого бы ни происходила ассамблея, — хотя бы у самого царя, — вход на нее был доступен каждому прилично одетому человеку, за исключением слуг и крепостьян. Вследствие этого на ассамблеи собирались: чиновные особы всех рангов, приказные, корабельные мастера и иностранные матросы. Каждый мог являться с женою и с дочками. Петр приглашал на ассамблеи и духовных лиц. Первым условием ассамблеи государь постановил отсутствие всякого стеснения и принужденности. Так, ни хозяин, ни хозяйка не должны были встречать никого из гостей, даже самого государя или государыню и чле-

нов их семейства. В комнате, назначенной для танцев, или в соседней с нею, должны были быть приготовлены: табак, трубки и лучинки для их закуривания. Здесь же стояли столы для игры в шахматы и в шашки, но карточная игра на ассамблеях не допускалась. Главным увеселением на ассамблеях полагались танцы; посредством их должны были сблизаться молодые люди и девицы, знакомиться дамы с мужчинами, а потому в глазах русских старого покроя танцы казались сперва увеселением крайне безнравственным: мужья ревновали своих жен к кавалерам, а отцы и матери смотрели на танцы, как на явный соблазн своих дочерей. Впрочем, и помимо этого дамы и кавалеры дичились друг друга, не завязывали между собою разговоров, и тотчас после каждого танца расходились в разные стороны. По словам одного из современников, на ассамблеях «все сидели, как немые, и только смотрели друг на друга». Вообще, если бы на первых порах сам Петр не присматривал за ассамблеями и не распорядился на них своею государскою властью, то они, по всей вероятности, не вошли бы в обычай.

На ассамблее хозяин или хозяйка, или кто-нибудь из домашних открывали танцы. После чего одна или две пары могли танцевать менуэт, англес или польский. При менуэте соблюдалось, однако, правило, чтобы этот танец мог начинать не каждый, а только тот кавалер и та дама, которые первые протанцевали его. Они сами выбирали, кого хотели, продолжать танцы. Если же они не желали продолжать менуэт, а желали после него танцевать англес или польский, то объявляли об этом, и тогда кавалеры, желавшие участвовать в танцах, выбирали себе дам; во всех же других случаях дамы выбирали кавалеров. Так как на ассамблеях царило полное равенство, то каждый мог пригласить на танец не только самую знатную даму или девицу, но и государыню, и её дочерей. На ассамблеях всякий был волен заниматься, чем ему хотелось: ни хозяин, ни хозяйка не могли, следуя старинным русским обычаям, угощать его. В Петербурге ассамблеи начинались обыкновенно в 5 часов вечера и оканчивались к 10 часам. Иногда, впрочем, развеселившийся государь

приказывал дамам через генерал-полицеймейстера, оставаться и долее положенного часа, и, разумеется, никто не дерзал нарушить этого приказания, и волей-неволей все должны были танцевать до тех пор, пока это было угодно государю. В этих случаях Петр, дав гостям некоторое время как для отдыха, так и для того, чтобы они, поужинав, подкрепились, начинал сам управлять танцами, и у великого человека даже и это занятие шло с той же энергией, с какою он умел руководить самыми важнейшими государственными делами, не щадя при этом сил и не разбирая ни возраста, ни звания своих сотрудников и сотрудниц.

Принявшись распоряжаться танцами, Петр начинал с того, что становил в ряды танцующих самых дряхлых стариков и сам становился в первой паре. Таким образом составлялся танец в восемь или девять пар. Все танцующие кавалеры обязаны были в точности выделять ногами то же самое, что выделявал государь, а между тем он в танцах оказывался большим затейником и мастером своего дела. Берхголец рассказывает, что царь выделявал такие «каприоли», которые составили бы честь лучшим европейским балетмейстерам того времени; а между тем набранные им старые и даже дряхлые танцоры насилу двигали ноги и кое-как дрыгали ими. Царь с свойственною ему настойчивостью принялся обучать сановных танцоров и объявил им, что выучит их очень скоро. Как ни бился, однако, государь, дело не шло на лад: ученики его с подобранными к ним молоденькими дамочками чуть держались на ногах, а неутомимый Петр прискакивал и вертелся перед ними без усталости. Старики путались, задыхались, сопели и кряхтели; у одних из них делалась одышка, другие чувствовали колику, пот лил с них градом, головы кружились, а царь все-таки продолжал танцевальный урок. Наконец, некоторые из них не выдержали и повалились на пол, а другие, опустившись, присели на корточки. Царь, видя это, отступил от неспособных своих учеников и приказал каждому из них выпить в наказание по большому штрафному бокалу. Отпустив стариков, государь принялся танцевать

с молодыми и танцевал на славу изобретенный им самим весьма трудный и замысловатый «цепной» танец — «Ketten-tanz», как называет его Берхгольц. Петр ввел также танец с поцелуями. В этом танце дамы целовали кавалеров в губы, тогда как обыкновенно кавалер, окончив танец, отдавал почтительный реверанс своей даме и целовал у неё руку. Вообще у расходившегося Петра не бывало пределов самой искренней, самой задушевной веселости.

Берхгольц передает, что Петр и Екатерина танцевали очень ловко и очень проворно, как самые молодые люди, и успевали сделать три круга, тогда как другие не успевали окончить еще и первый. Впрочем, Екатерина старательно танцевала только с одним государем, который, как и она, тогда выделял каждое па. С другими же кавалерами Екатерина танцевала небрежно; она не вертелась, не подпрыгивала, но ходила обыкновенным шагом.

Молоденькая дочери Петра танцевали очень охотно, а царевна Прасковья Ивановна танцевала неохотно и не иначе, как только по приказанию Петра.

На ассамблеях танцы разделялись на церемониальные и английские. Нам не удалось встретить указания на первые, что же касается так называвшихся английских танцев, то они представляли собственно гроссфатер: дамы становились по одну сторону, а кавалеры по другую. Музыканты начинали играть нечто в роде погребального марша и в продолжении этой музыки кавалеры и дамы первой пары делали реверансы своим соседям и друг другу, потом брались за руки, делали круг влево и становились на свое место. После первой пары делали то же самое одна за другою следующие пары, и когда туры оканчивались, музыка начинала играть польский, и тогда начинался оживленный танец, вероятно, мазурка. На ассамблеях исполняли еще и следующий танец: десять или двенадцать пар танцующих связывали себя носовыми платками, и каждый из танцоров должен был придумывать разные фигуры. Танцующие переходили из одной комнаты в другую. Впереди их шел один из музыкантов, наигрывая на скрипке,

Спустя три года по введении ассамблей в Петербурге,

они были заведены и в Москве. Когда, в конце 1722 года, государь и двор приехали в Москву праздновать Ништадтский мир, то по домам всех тамошних немецких купцов ходил посланный от князя Меншикова писец, который записывал имена и годы молодых дам и девиц. Делалось это с тою целью, чтобы пригласить их на бал. Русских дам и девиц на первый раз не тронули, боясь, что такое приглашение взбудоражит всю Москву, так крепко державшуюся еще праотеческих обычаев. Впрочем, и немецкое купечество не очень хотело знакомиться с русского знатью, боясь не столько пренебрежения к себе с её стороны, сколько опасаясь такого пира, какой по случаю Ништадтского мира был задан в Петербурге, где всех присутствовавших на пиру дам опоили до полусмерти. Состоялся ли предположенный Меншиковым бал — неизвестно. Но когда вскоре после этого сам государь назначил ассамблею в селе Преображенском, под Москвою, то туда по его повелению должны были явиться все молодые московские дамы и девицы старше десяти лет. Всем, кто не явится на эту ассамблею, государь грозил «страшным наказанием». Особо назначенные чиновники записывали всех приезжавших, и на первую в Москве ассамблею набралось до 70 дам. После того ассамблеи в Москве повторялись несколько раз. Распоряжался на них Ягужинский, который, как превосходный танцор и неутомимый весельчак, первенствовал и на всех петербургских танцевальных собраниях, оживляя их своими шутками и управляя танцами. В Москве он ввел «штирийский» танец, с прыжками и разными затейливыми узорчатыми фигурами.

Независимо от обязательных ассамблей, московские немцы устраивали в честь прибывшего с государем молодого герцога Гольштинского танцевальные вечера, без участия русских, и нельзя — замечает Берхгольц — вообразить, до какой степени московские немки любили танцы. Собирались они рано вечером и оканчивали плясать только утром на другой день. В Москве давал балы и голландский резидент; на них исключительно собирались иностранцы и иностранки.

Перед отъездом своим из Москвы на воды в Олонец, Петр приказал, чтобы в Москве у знатных лиц были по очереди открытые собрания три раза в неделю: по воскресеньям, вторникам и четвергам. Собрания эти должны были быть точно такие же, как ассамблеи в Петербург. Наблюдать за исполнением этого распоряжения император поручить Ягужинскому, который, как исполнительный царский слуга, да и сам чрезвычайный любитель развлечений, не преминул исполнить данное ему приказание без малейшего послабления. Ассамблеи шли своим чередом, но в Москве проявлялась при этом особенность, какой не существовало в Петербурге, а именно: чванство ввело в Москве обычай приезжать на ассамблеи тремя-четырьмя часами позже назначенного времени, и Ягужинский должен был пустить в ход угрозу от царского имени, чтобы отучить московских барынь от такой неаккуратности.

Кроме ассамблей, при Петре Великом были у нас введены и маскарады, увеселения эти были уже описаны много раз и притом так подробно, что было бы излишне говорить о них. Маскарады были одною из любимых потех петровского времени, и устройством их царь занимался так же заботливо, как и устройством ассамблей. Для публики, обязанной являться на маскарады, они не только обходились дорого, по необходимости приготовить предписанные заранее костюмы, но и были крайне стеснительны. Так, участвовавшие в маскараде дамы должны были являться за несколько дней до маскарада в кофейню, где назначенный государем лица осматривали их костюмы, и если находили что-нибудь не так, то заставляли перешивать и перделывать. Маскарады продолжались большей частью по несколько дней сряду и происходили обыкновенно на улицах, чтобы доставить даровое зрелище всему народу. В продолжении маскарадного времени ношение масок было до такой степени обязательно, что, например, при маскараде, бывшем 11 февраля 1724 года в Петербурге, сенаторам приказано было не снимать масок и во время утреннего их заседания в сенате.

К числу общественных увеселений, явившихся у нас

со времени Петра Великого, должно отнести и концерты. Впервые завел их в Петербурге прусский посланник, барон Марденфельд; он превосходно играл на лютне, и публика имела право приходить в назначенные часы в дом барона - дилетанта и слушать его музыкальные упражнения. Концертные собрания бывали тоже у графа Бассевича, голштинского министра, долго проживавшего в Петербурге. На вечерах у барона Строгонова являлось до 20 девушек вышивальниц, с арфами, под аккомпанемент которых они пели русские песни. На ассамблеях же играли преимущественно шведские пленные, составившие из себя довольно хороший по тому времени оркестр. Иногда являлись туда двенадцать волторнистов герцога Голштинского, славившихся в Петербурге своею отличною игрою. У Екатерины был собственный её оркестр, составленный из хороших вольнонаемных музыкантов, которые обязаны были, играя при дворе, носить красивые костюмы. Собственный оркестр содержала также и княгиня Марья Юрьевна Черкасская, рожд. княжна Трубецкая, вторая жена князя Алексея Михайловича Черкасского, бывшего потом канцлером. На ассамблеях у людей небогатых играл иногда один скрипач, а иногда казак на бандуре.

Если в каждом деле бывает труден только первый шаг, то эта справедливая поговорка применяется, как нельзя более, к введению у нас танцев при Петре Великом. С первого разу это нововведение было встречено весьма неприязненно, но потом танцы полюбились русским дамам, и охота к этому увеселению распространялась все более и более, так что уже в царствование Екатерины и оказывалось ненужным участие верховной власти и местных начальств в устройстве ассамблей, а неумение танцевать считалось уже в эту пору недостатком образования. Танцевальное искусство распространяли у нас пленные шведы и заезжие поляки, в особенности же первые.

Само собою разумеется, что являвшиеся в первое время на ассамблеи наши боярыни и боярышни были и смешны, и неуклюжи. Затянутые в крепкие корсеты, с огромными фижмами, в башмаках на высоких — в полтора вершка — каблуках, с пышно расчесанною и, большей частью, на-

пудренною прическою, с длинными «шлѣпали», или шлей-фами, они не умели не только легко и грациозно вертеться в танцах, но и не знали, как им стать и сесть. Кавалеры были также под стать дамам, и их, при чрезвычайной неловкости, крайне стесняла одежда: шитые кафтаны с твердыми как железные листы, широкими фалдами, узкие панталоны, плотно натянутые чулки с подвязками, тяжелые башмаки, висевшие при боку шпаги, перчатки, вместо дедовских рукавиц, и так называвшиеся аллон-жьевые (allonges) парики с длинными завитыми в букли волосами. Но мало-помалу все привыкали к новым костюмам, казавшимся неудобными только на первых порах, и следующие затем поколения уже совершенно освоились с ними.

Что касается нарядов, то русские с первого же разу обнаружили прирожденную им любовь к тяжелой роскоши, хотя бы и на европейский лад. Дамы являлись на ассамблеи в дорогих бархатных, парчевых и шелковых робах, отделанных дорогими заграничными кружевами, отяг-ченные жемчугом и бриллиантами, которые блистали у них не только в волосах и на корсажах, но и на юбках их платьев. Вообще петербургские дамы чрезвычайно любили драгоценные камни и старались перещеголять ими одна другую.

Румяна и белила были в большом употреблении, и Берхгольц, между прочим, замечает, что все петербург-ские дамы так хорошо умеют раскрашивать себя, что в этом отношении мало чем уступают француженкам. Главною заботою дам, ездивших на ассамблеи, была прическа; на нее не было тогда постоянной моды, и не только каждый год, но и каждое собрание прическу то повышали, то понижали; то пудрились, то нет. Мужчины являлись на ассамблеи в бархатных и матерчатых кафтанах, расшитых по бортам и серебром, и золотом. Императрица приезжала на ассамблеи роскошно разодетая, в сопровождении придворных дам и пажей, одетых в суконные зеленые мундиры с красными отворотами, и с золотыми галунами по всем швам. Один только государь сохранял обычную простоту во всей обстановке, приезжая на ассам-

блей в крытой одноколке и в сопровождении только дежурного денщика. Мы сказали, что Петр был охотник и мастер танцевать, но в танцы он пускался не всякий раз: это зависело от расположения его духа. Большею частью он только открывал с государыней бал «немецким танцем», и после того удалялся к мужчинам и пускался с ними в деловой разговор, или садился играть в шахматы или в шашки, покуривая коротенькую голландскую трубку с крепким кнастером.

Из русских дам большого света, блиставших при самом возникновении у нас общественной жизни, первой считалась княгиня Валашская, вторая жена бывшего господаря князя Дмитрия Кантемира, рожденная княжна Трубецкая. По словам Берхгольца, она поражала красотой и стройностью стана. Княгиня была высокая блондинка, и у неё на веке левого глаза было черное пятно, которое, однако, не портило её, но напротив, походя на черную мушку, придавало какую-то странную особенность её прелестному лицу. У неё были прекрасные руки и чудный цвет лица, который, к сожалению, она, следуя тогдашней моде, портила белилами и румянами. В числе самых хорошеньких дам того времени считалась также молоденькая жена кабинет-секретаря Макарова. Из девиц обращали на себя особое внимание прехорошенькая княжна Щербатова и две дочери канцлера, графа Головкина, обе очень миленькие девушки. Старшая из них была высока ростом, прекрасно сложена и хотя была несколько рябовата, но это нисколько не вредило её миловидности. Она была известна любезностью своего обращения, и среди тогдашних петербургских дам и девиц считалась первою танцоркою. Кроме их, обе подраставшие еще дочери Петра Великого — Анна и, в особенности, Елизавета, обещали сделаться замечательными красавицами. В числе хорошеньких девушек считалась также княжна Черкасская и княжна Долгорукова, будущая невеста императора Петра II, а в числе дам — Румянцева, с которой любил предпочтительно танцевать Петр Великий, и которой привелось танцевать с пятью следовавшими одно за другим поколениями, так как Румянцева, — одна из первых и по времени и по искусству танцорок в России —

танцевала в последний раз при императоре Павле Петровиче с наследником престола, великим князем Александром Павловичем.

Из мужчин, при учреждении ассамблей, особенно отличались в танцах: сам их учредитель — царь Петр Алексеевич, Ягужинский, граф Бассевич; австрийский посланник граф Кинский, — люди более или менее зрелых уже лет, а из молодых кавалеров: князя Трубецкой и Долгорукие и граф Головкин, сын канцлера.

С учреждением ассамблей женщина стала являться у нас в положении, отличном от прежнего. Теперь она, вместо смиренной и молчаливой хозяйки дома, подносившей гостю с глубокими поклонами чарку водки, являлась царщицею празднества. При Петре было введено, чтобы хозяин, во время бала, подносил букет цветов, живых или искусственных, той даме, которую он хотел отличить. Дама эта распоряжалась танцами и в конце бала торжественно отдавала букет тому из кавалеров, в доме которого она хотела танцевать следующий раз. Избранный таким образом кавалер, накануне назначенного им бала, должен был послать почтившей его даме веер, пару перчаток и букет цветов.

Одною из главных целей Петра Великого при учреждении ассамблей была — соединить все русское общество в один кружок, сблизить русских с иностранцами и уничтожить ту московскую разрозненность, одной из причин которой была боярская спесь. Последнее, однако, особенно не удалось Петру Великому, так как, с самого своего возникновения, русское общество разделилось на особые кружки, члены которых примыкали один к другому сообразно их знатности и богатству. Точно также не мог одолеть Петр и отчужденности русских от иностранцев, которая на ассамблеях выражалась, между прочим, тем, что русские дамы выбирали себе кавалеров только из русских, обходя иностранцев, чем эти последние очень обижались. Некоторые, однако, из русских дам были чрезвычайно любезны и с иностранцами, и Берхгольц говорит о них, что они мало чем уступали француженкам и немкам в обра-

щении и светскости, а в некоторых отношениях имели даже над ними и преимущество.

Ошибочно было бы думать, что ассамблеи времен Петра отличались той утонченностью обстановки, которою вскоре после него, например, уже при императрице Анне Ивановне, отличались у нас собрания высшего круга. В первую пору делалось все проще: в той комнате, где обедали и ужинали, слуги, убрав столы, подметали пол вениками, раскрывали зимою окна, чтобы проветрить комнату, пропитанную запахом кушаний и прокопченную кнастером, и затем, в той же самой комнате, пышно-разодетые кавалеры и дамы принимались за танцы, которые и длились иногда часов шесть или семь сряду. Это происходило от тесноты тогдашних петербургских помещений, почему во время балов не было общего для всех ужина, но гости делились на две группы, и в то время, когда одна группа ужинала, другая танцевала.

Кроме этих неудобств, Петровские ассамблеи отличались попойками, и спаивание не только мужчин, но и дам было самым обыкновенным явлением. Берхгольц, камер-юнкер герцога Голштинского, описывая бывшие в его время увеселения в Петербурге, беспрестанно по поводу их замечает: «сильно пили», а в одном месте пишет, что он, «после вчерашнего опьянения, был при смерти болен». Бассевич после хорошей выпивки не мог иногда поправиться даже на третий день. «Тайные советники» герцога Голштинского крепко пили, да и его светлость герцог, двадцатичетырехлетний юноша, напивался при дамах на ассамблеях так сильно, что едва стоял на ногах. Все это показывает, что напрасно только одним русским ставят в укор невоздержное пьянство. Оно господствовало тогда во всей Европе, и даже гораздо позднее в Вене, на балах при дворе императрицы Марии-Терезии, были страшные попойки, так что придворный в её время бал считался благополучно оконченным, если на нем произошло небольшое число скандалов.

На Петровских ассамблеях пили лихо, и даже главный их распорядитель, Ягужинский, нагружался мертвецки, заводя, при своем задорном нраве, ссоры и даже драки.

Князь Меншиков напился раз до того, что упал за-
мертво, так что пришлось подавать ему врачебную помощь.
Грубость нравов начала, однако, исчезать мало-помалу,
чему в особенности способствовало присутствие дам в
мужском обществе, и в царствование императрицы Елиза-
веты ассамблеи переродились у нас в такие балы, кото-
рые, по их приличию и даже чопорности, мало чем усту-
пали изящным версальским собраниям.

Великие государственные деяния Петра и вдохновляли
более или менее удачно и русских, и иноземных жи-
вописцев. Художник Хлебовский избрал для себя скром-
ную тему, изобразив на своей картине царя дружески бесе-
дующим с каким-то корабельным мастером во время
ассамблеи. Момент этот и обстановка, окружающая царя,
исторически верны, но художник не отдалился бы ни-
сколько от исторической истины, если бы изобразил слиш-
ком пятидесятилетнего «Полтавского победителя», окру-
женного роем хорошеньких и молоденьких женщин, а
также и сонмом дряхлых сановников, перед которыми
государь, не смотря на его гигантский рост, выделявал
бы самые затруднительные задачи танцевального искусства.
Такое изображение Петра Великого было бы сходно с дей-
ствительностью, потому что он всегда держался мнения
своего отца, царя Алексея Михайловича, который находил,
«время делу, и потехе час»...